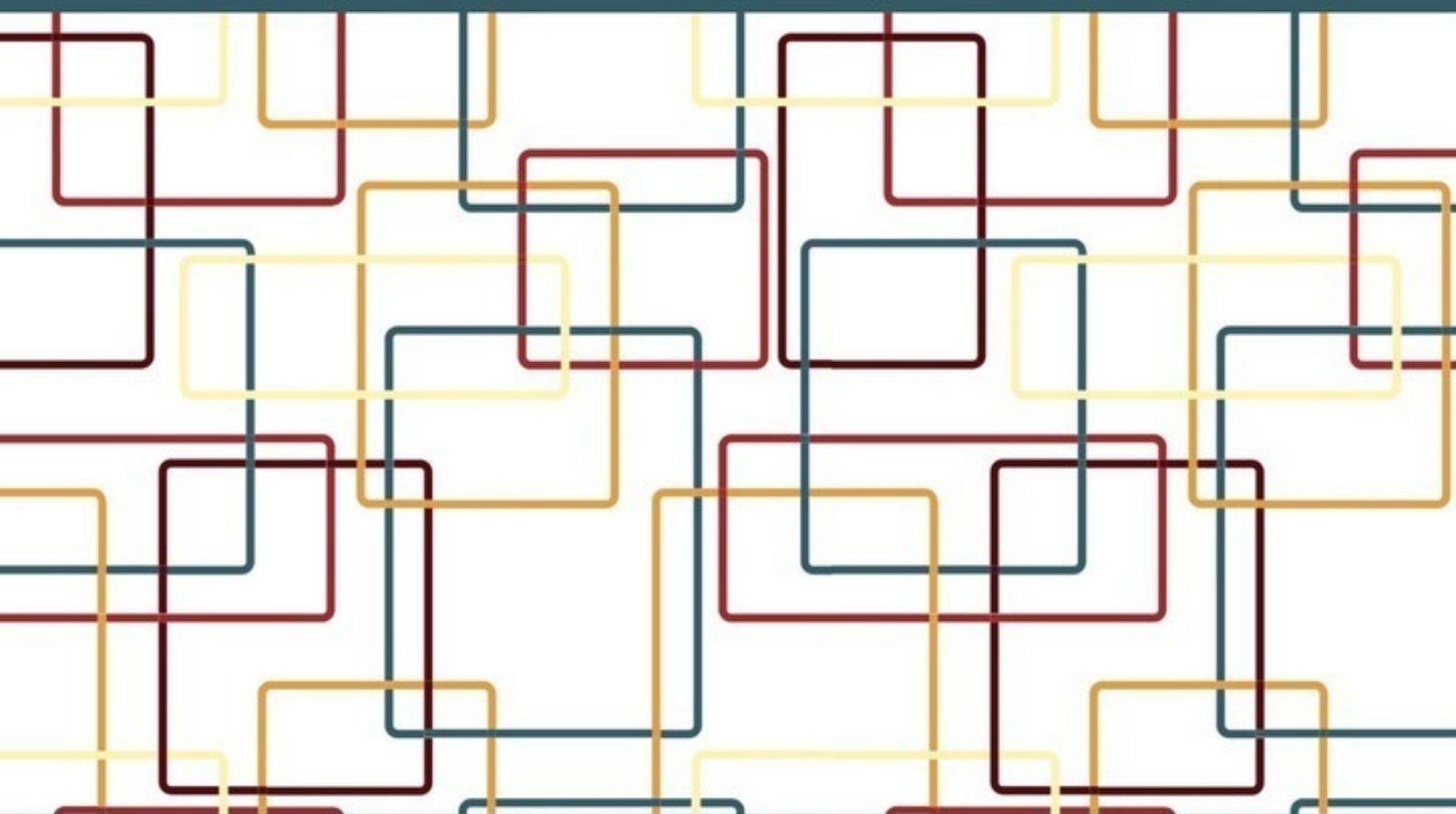

ELSA RINGHOEVEN

**ПРИВЕТЫ
ОТ ДИВНОГО МИРА**
сборник рассказов

Elsa Ringhoeven

**Приветы от дивного мира.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Ringhoeven E.

Приветы от дивного мира. Сборник рассказов / E. Ringhoeven —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505750-1

Это сборник-эксперимент, каждый рассказ в нем — это попытка исследовать и осознать жизнь, как нечто личное настолько, что находится за пределами временного контекста и социальных условий, жизнь как основу. Их герои из разных стран и времен, но у них есть одно общее стремление — остаться ЧЕЛОВЕКОМ.

ISBN 978-5-00-505750-1

© Ringhoeven E.
© Издательские решения

Приветы от дивного мира

Сборник рассказов

Elsa Ringhoeven

© Elsa Ringhoeven, 2019

ISBN 978-5-0050-5750-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДА ПРИЙДЕТ ЦАРСТВИЕ ТВОЕ...

Зима 1890 г.

В окнах забрезжил серый рассвет. Выглянув наружу отец Сергей увидел пегую морду Паши. Жеребец лениво жевал сено, время от времени отрываясь и любопытно глядя в крохотное оконце. Из ноздрей Паши шел пар. Вероятно, монахи только что вернулись и еще не успели распрячь его. Накинув медвежью шубу, Сергей вышел наружу. Морозный воздух обжег лицо. Впереди простиралась бесконечная даль, словно сливая воедино земное и небесное. Архитектурное одиночество храма побуждало играть духовные струны его обитателей. Вдали от мирского шума их мелодия становилась тоньше и, казалось, вот – вот приблизишься к обладанию тем самым высшим духовным богатством, к которому стремится каждый жрец Божий. Это чувствовали все от юных послушников до настоятеля. «Вот оно – благословенное место Господне» – в который раз подумал Сергей, окидывая взором свое творение. Тридцать лет трудился он над созданием лучшего «дома Божия». Каждый камень от фундамента до купола помнит его вдохновенный порыв, его мечту о доме, зародившуюся еще со времен босого сиротства. И вот он – дом, куда стекаются лучшие думы, дом, стремятся праведные помыслы верующих, дом, дарующий надежду и успокоение! Сергей сделал несколько шагов. Под ногами захрустел рождественский снег. Светлые помыслы в канун главного праздника зарождались исподволь, переполняя душу странной, восторженной надеждой. Послышался колокольный звон, призывая к утренней молитве, но Сергей не обернулся, только пригладил седую бороду. Сегодня он проснулся с удивительным чувством, торжественным и тревожным. Само оно отзывалось молитвой внутри него необъяснимым, непонятым единением совсем сущим: с блеклым золотом куполов под седым покрывалом небес, с далекой перспективой, лесом, худыми облещеными березками у тяжелых монастырских ворот, с пронзительным криком встревоженных чем-то ворон. Было ощущение, что небесные силы чудесным образом снизошли до своего служки, подготавливая его к осуществлению главного таинства его долгой жизни.

– И все это ты, Господи! – произнес Сергей, воздевая руки к небесам, словно стараясь обнять весь наполненный звенящим торжеством мир перед своими глазами. Вдруг на линии горизонта появилась тень. Сначала только расплывчатый силуэт, который можно было принять за видение, рожденное ожиданием рождественского чуда, но тень приближалась, становясь все отчетливее и больше. На мгновение Сергей отвел глаза, пытаясь понять, откуда взялась эта странная греза и есть ли кто рядом, но не увидел ничего. Храм, небольшой заснеженный дворик, старая бочка у резного крыльца и пегий Паша исчезли, только отовсюду слышался все более явственно и пронзительно, словно набат, колокольный звон. Фигура стала совсем отчетливой и словно скользила по снегу, не оставляя следов. Сергей сделал еще несколько шагов навстречу и вдруг странный силуэт остановился. Ветер дул в лицо, развевая волосы на непокрытой голове священника, но полы темно багряного плаща небесного странника не шевелились, словно ему были неподвластны законы природы. Сергей сам удивился тому, что совсем

не ощущал страха. Вдруг из рукава плаща незнакомца выскользнула старая потертая книга и пятном зачернела на снегу, а сам он поднял голову и из капюшона на Сергия глянул струящийся мягкий свет. У фигуры не было лица, но этот свет завораживал, манил, словно растапливая морозный воздух вокруг.

– Подними свою книгу, добрый человек — произнес незнакомец, – и иди за мной.

Сергий наклонился и увидел, что это его первая... первая Библия, подаренная настоятелем церкви, где он воспитывался еще ребенком.

– Прости меня, Творец всего сущего. – Сергий склонил седую голову перед существом в багрянце. Он вспомнил, что потерял дорогой подарок в потасовке с другими

пострелятами и долго потом со слезами просил прощения у Бога и святых отцов.

– Встань, божий человек, – повторил странник — Не тебе каяться в грехах своих, ибо помыслы твои чисты. Идем, и увидишь ты игрехи грядущие, что застыят все донныне сотворенные, и преступление великое, и рождение Нового Дня.

– За что Ты даруешь мне честь неоплатную — видеть Тебя и слово Тебе молвить, Господи?

– Я – посланник Его. И не благодари меня, ибо не честь, а знание страшное поручено мне вложить в душу твою, дабы мысли праведников, наставления их спасли царство Его от поругания.

– Повинуюсь. Я раб Его верный, – сказал Сергий, готовый внимать посланнику и идти за ним.

– Оглянись!

Сергий осторожно повернул голову в ту сторону, где раньше белели стены монастыря, а сейчас виднелась лишь пустошь. Посланник поднял свою руку и провел красным рукавом в пространстве, словно стирая пыль далеких времен. Тут же пустырь наполнился людьми и голосами, и они оказались посреди города. Покрикивали извозчики, несколько худых кляч устало тащили трамвайные вагончики, толпа мужиков, громко сквернословя, торговалась за мешок зерна, бодро прошагал строй юных кадетов – обычная городская жизнь. Никто из них не замечал ни Сергия, ни Посланца.

– Неужто они не видят нас? – спросил священник

– Это люди и мир их, которого не станет. И их самих не станет. Превратятся они в других, слова милосердного не знающих. Видишь этого ребенка?

Сергий посмотрел на бедно одетого мальчика, пытавшегося скатиться по льду замерзшей лужицы, но у него это плохо выходило – старые башмаки не хотели скользить, но он упрямо продолжал свои попытки.

– На его дланях кровь пяти ангелов. Гляди!

Посланник махнул рукавом, и они оказались в комнате. Пустые стены были изрешечены выстрелами и залиты кровью, на полу лежало несколько человеческих тел. Бледные, застывшие, искаженные предсмертной мукой лица глядели на Сергия, заставляя содрогнуться. По комнате деловито прохаживался молодой мужчина. Он то и дело наклонялся к убитым, словно ища что-то или прислушиваясь к их дыханию. В правой руке мужчина хищно сжимал наган, готовый в любой момент выпустить еще одного смертельного червя в агонизирующее тело жертвы. Приглядевшись, Сергий увидел, что убитым не более двенадцати тринадцати лет.

– Упокой, Господи, души их, – прошептал он крестясь.

– Теперь у них иной «Бог», – странник указал на грязноватую красную ткань на стене, на которой вызывающе белело: **ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМЪ!** – Пустая душа без сострадания и жалости. Палачи праведников.

Свет от лица Посланника усилился и теперь слегка обжигал лицо святого старца. Тот снова махнул рукавом и гул, ляг, скрежет и крики перекрыли слух. В клубах дыма вырисовывались какие-то адские силуэты машин, огонь то и дело прорезал небеса, отовсюду бежали

люди, стреляя и выкрикивая проклятия. Солдат с закопченным дымом лицом носился по полю брани и безумно кричал: «Halten Sie Ihnen!, Halten Sie Ihnen!»*. В пропахшем кровью пекле были неразличимы лица друзей и врагов. Все смешалось: добро, зло, жалость. Спасение, душа, жестокость, убийство, страх, безумие, восторг и смерть— все превратилось в одну адскую силу, несшую этот безбожный, брошенный на поругание мир в пучину небытия.

– И развернется ад на земле, и сотворятся грехи доселе невиданные, и будет битва великая, когда сойдутся два страшных порождения Сатаны, и исчезнут души.

Сергий не заметил, что повторяет слова Посланника, как будто тот бессознательно вложил их в его уста, но уже понимал, что уже не забудет это страшное заклинание никогда, что на плечи его, несущего слово божие, ложится тяжкий груз пророка грядущих битв.

– А где? Где рождение Нового Дня? Покажи мне спасение! – выкрикнул священник.

Посланник взмахнул рукавами своего одеяния, словно собираясь взлететь, и все исчезло. Белесое предрождественское утро снова воцарилось вокруг, властно захватывая одинокую пустую степь.

– Ты сам найдешь его, святой человек. Своими богоугодными делами ты приблизишь его наступление. Иди, носи в мир свое знание, предостерегай об опасности творения злого. И быть может, откликнется Человечество на призыв Господень и виденное тобою не обретет реальности, а если обретет, то пожалей недостойных и протяни длань страждущим, ибо Господь твой велит прощать грехи и вознаграждать благодетель.

ЗВЕЗДА ДАВИДА

Мрачное сизое небо нависло над колючей проволокой. Хмурый день приближался к концу и уже подретушировал темной дымкой унылые сугробы на ровной площадке позади ограждения. Под ногами слышался твердый хруст снега. Мальчик поежился и попытался плотнее натянуть на уши тканую тубетейку. Сделал он это так, чтобы никто из стоящих впереди людей не видел. Он хорошо знал, что бывает за такие «провинности». Безуспешно. Крохотная потертая шапчонка была слишком мала и не защищала от мороза, который подбирался, по крайней мере, к десятиградусной отметке, а то и ниже. Все также осторожно он потер друг о друга худенькие посиневшие руки и вытянулся снова, как на плацу. Ах, с какой бы радостью он прижал замерзшие, почти потерявшие чувствительность конечности к телу! Но, увы, об этом приходилось только мечтать. Злобный оскал овчарки, выглядывавший из-за мозолистой руки Моисея, предупреждал об опасности. При всем при том Давид был даже доволен. На вечернем построении ему удалось спрятаться за широкую спину Моисея, что делало его, тринадцатилетнего щуплого подростка, практически незаметным. Много хуже было тем, кто стоял, так сказать, на передовой, на виду у охранников. Их оказалось много. В этом строю. По крайней мере, сотня. Застывший от холода и страха полосатый человеческий прямоугольник. Сотня сердец билась сейчас в одном ритме, ритме страха. На мгновение Давид опустил веки и представил, как тепло блаженно разливается по изможденному телу. Есть уже не хотелось, и это стало большим облегчением. Он жил в лагере давно, полгода, а может и больше. Время для него растянулось, расплылось в бесконечности каторжных дней и промозглых ночей, но пока еще удавалось сохранить ясный ум.

Охранник устало переминался с ноги на ногу, с трудом удерживая огромного пса. У него было пышущее здоровьем лицо и рыжие усики. Он вытащил из кармана шинели пахитоску и закурил, не обращая никакого внимания на пленников. Все они ждали, ждали пока фельдфебель закончит свой обед из трех блюд и убедится лично, что все заключенные на месте. Давид видел, как тоненький сигаретный дымок ленточкой взвился в холодном воздухе. Почти так же, как тянулось на милю зловещее облако из трубы крематория. Оно не исчезало никогда, оно, поглотившее мать и двух братьев мальчика, и многих, многих еще, как плату за желтую звезду

на тюремной робе. Многие ненавидели ее, а он любил свой знак, гордо сверкавший на полосатой ткани символом стойкости, мужества и надежды. В душе его жила какая-то детская уверенность, что, что бы ни случилось звезда не погаснет. И это давало Давиду силы поддерживать жизнь в обессиленном теле. Ведь ему удалось продержаться дольше остальных. Обычно заключенные не жили в лагере больше трех месяцев.

Прошло уже около получаса, а Гансик с его заплывшей свинячьей физиономией все не появлялся, чтобы распустить узников по баракам. Сегодня дела в лагере завершали пораньше. У фашистов, именовавших себя христианами, был Сочельник. А потому наглость Гансика возмущала даже их окаменевшие души. Мальчик тихонько ткнулся носом в спину Моисея. Хотя он и не принадлежал к католической конфессии, у него тоже имелся повод отметить Рождество. Давид скосил глаза вправо. Обычно рядом с ним стоял Франк, двадцатилетний скрипач из Майнца, но сегодня Франка там не было. Его не было уже три дня, потому что три дня назад Давид задушил его прямо на обледеневшем полу барака.

Франка в промерзшее помещение глухой ночью двое, но вместо рук у него свисали разможенные лохмотья из окровавленного мяса, костей и кожи. Слово человеческую плоть пропустили через гигантскую мясорубку. Где-то спустя час парень пришел в себя и началось самое страшное. Давид никогда раньше не слышал такого крика. Нечеловеческий вопль до сих пор звучал в его голове, переходя в ночные кошмары. В противовес тишине кошмара днем. Тогда старый венгр, спавший до этого в углу, крепко прижал метавшееся тело к полу, а Давид в это время душил несчастного, пока тот не затих навсегда. Как не похож был обезумевший рефлекторный обрубок плоти на Франка, с которым они тайно перешептывались по ночам, когда охранники не могли их слышать. Тот Франк еще не потерял веру. Он говорил о свободе, правде и возмездии, рассказывал о своем Боге, Спасителе, который родится через несколько дней, когда в небе загорится первая звезда, о музыке которую не успел сыграть-сочинить, и о том, что жизнь продолжается. И вот она закончилась. Нелепо. По прихоти кровавого идола. Давид не плакал, только тихонечко шептал:

– Я убиваю не тебя. Не тебя. Тебя уже нет. Они умертвили тебя, а это не ты, это тело. Просто тело. Прости, если сможешь. По крайней мере, они не сожгут тебя живьем!

Это случилось три дня назад. А сейчас он уже не сомневался: смерть – единственное обезболивающее, которое узники могли предложить друг другу. И все равно было горько, будто и он уподобился палачам в сером.

Нос потихоньку оттаивал, и он снова мог чувствовать запах несвежей ткани на теле Моисея, и дразнящий аромат горячей плоти. Крематорий дымил даже в канун Рождества. Мужчина, занявший место замученного Франка, жалобно впился в него черными угольками глаз. Посиневшие тонкие губы дрожали. Казалось, он вот-вот заговорит или заплачет. Его привезли с последней партией в plombированных вагонах, а потому он вполне мог не знать непреложного закона, по которому им запрещалось говорить друг с другом, а также согреваться любыми способами. Давид попробовал успокоить его взглядом. К счастью для него самого, человек сдержал порыв отчаяния, выдав его только глубоким вздохом.

И тут на освещенной площадке рядом с охранником появился, наконец, Гансик. Он подошел нетвердым шагом, кичливо выкрикнул прямо в ухо часовому «Neil Hitler», затем, нарочито шелкнув каблуками, повернулся к заключенным и деловито позддравил присутствующих:

– Mit dem Weihnachten!

Его бравада объяснялась тем, что он уже изрядно наклюкался в апартаментах начальника лагеря, но в том время, как другого сморил бы сон от выпитого, в Гансике просыпалась немотивированная активность. Потрепав по холке овчарку, он сделал несколько неуклюжих шагов, и, потеряв равновесие на в меру скользкой поверхности, прямо своим могучим оттопыренным задом на снег. Охранник смущенно поджал губы, а из строя донесся явственных смешок. Люди не знали, кто осмелился на этот дерзновенный выпад, но все содрогнулись, видя горящие яро-

стью глаза фельдфебеля. Тот поднялся и с небывалой прытью подбежал ближе, осыпая узников трехступенчатой бранью. Давид понял, что до рождественского утра может не дожить, но пока спина Моисея надежно его прятала. Мужчина справа затрясся в молчаливой истерике: руки его против воли дергались, дыхание превратилось в холеричное сопение, а глаза и вовсе лишились всякого выражения. Охранник с собакой бросился наперерез Гансику, не давая ему нырнуть в колонну.

– Куда вы? Осторожно! Не надо!

– Дранные крысы! Я вам лично вырву ваши мерзкие языки! – орал впавший в пьяное безумие Гансик, грозно размахивая пистолетом в воздухе.

Не без труда, но охраннику удалось повалить упившегося начальничка снова в снег, и оттащить подальше от готовой растерзать его толпы. Когда «повелитель» немного очухался, его лицо приняло привычное надменное выражение, но все знали, что этот человек не простит и не забудет случившегося. И, возможно, уже к рассвету отряд взовьется ароматным дымком в снежно-белые чертоги морозных небес. Давид замер все так же на спине Моисея, боясь упасть, поскольку уже совсем не чувствовал ступней в старых тоненьких ботинках. На пороге небытия он не задумывался о своей жизни, о том, что так и не закончил школу... Он думал о Франке, о вышитой звезде, под которой отмеряло удары его сердце, и о той, что должна украсить черный саван над ними, возвещая божественное рождение. Он ждал ее сегодня, как, быть может, не ждал ни один католик, ждал, как мистическую надежду, как память о маленьком скрипаче с отрубленными руками. Он ждал и должен был дожждаться. Ради Франка. Ради всех растерзанных и испепеленных, которые верили в нее, но уже никогда не увидят. Ведь, они так похожи – их звезды.

– Сегодня праздник, – крикнул Гансик, так, что его слова эхом разнеслись по округе – И поэтому за дерзость расплатятся только десять грязных жидов! Я разрешаю вам выбрать, кто именно. Это вам мой подарок! Если не выберете, я выберу больше.

Слова затерялись во миг потяжелевшем безветрии. И палач, и жертвы застыли в напряженном ожидании. Охранник нетерпеливо качал головой, не в силах дожидаться, когда этот придурок закончит свой спектакль и придет сменщик, чтобы можно было, в конце концов, согреться, зажечь свечи, и отхлебнуть любимого американского коньячку, втайне томившегося у него под кроватью. Кровь билась в висках, отсчитывая секунды, но никто не шелохнулся.

– Ну! Выползайте, черви! Или все вы отправитесь в ад, где вам и место! Быстрее!

Мужчина справа еще раз посмотрел на Давида и сделал маленький шаг вперед. Мальчик знал почему. Многие новоприбывшие не выдерживали первых недель лагерной жизни. Уйти казалось проще, чем бороться. И только старожилы, такие, как он, знали точно высокую цену каждой прожитой минуты. Именно они расставались с жизнью больше всего. Давид поймал взгляд человека и медленно перевел его вверх, туда, где раскинулся бесконечный небесный простор, ожидавший появления звезды. В глазах мужчины заблестели слезинки, но он поставил ногу назад. Когда Давид снова глянул на площадку, где шумно злопыхал Гансик, то увидел, что перед ним уже стояло семь человек, среди которых он узнал своего старика-венгра. Люди спокойно и с достоинством выходили вперед, и скоро перед искаженной рожой Гансика выстроилось целое созвездие. По сравнению с ним пафосные орлы и свастика на алой плащанице казались блеклыми и безжизненными. Вдруг Давид потерял свою опору. Последним вышел Моисей. Десять выстрелов пронзило колкую звенящую тишину. Люди падали, не издавая ни звука, отмеченные, как посвящением смертоносной точкой на лбу, обагрывая жертвенной кровью белый саван земли. И там, где расплзались темные пятна, снег таял.

Ночью Давид не спал. Свернувшись под дырявым одеялом, он смотрел в щель, смотрел на небо, где в урочный час зажглась необыкновенно яркая, единственная звезда, возвещавшая о рождении Спасителя.

АБОЛИЦИОНИСТ

Эйби поднял вверх голову, надеясь, что это внезапно возникшее ощущение свободы и одновременно одиночества переродится во что-то более определенное. Он остро нуждался в этом – заново обрести почву под ногами, почувствовать себя вновь собою. Но дело было не только в том, что чувства молодого человека находились в смятении. Сейчас самообладание стало вопросом жизни и смерти.

Кромешная тьма обступила Эйби со всех сторон. Ночь была безлунной, и на небе не родилось ни одной звезды. И это было хорошо. Сейчас само существование человека определялось его чутьем, инстинктами, словно у животного. Он сидел на дне старой лодки, подтянув худые колени к груди, и уже привык к запаху мокрого гниющего дерева и к хлестким ударам по лицу, наносимых ветками растущих у самого края берега ив. Лодка, казалось, невыносимо медленно ползла вперед, и при каждом плеске погружающегося в воду весла Эйби вздрагивал всем телом. Нервы были натянуты, словно тетива лука, отчего звук казался ему невероятно громким. Если его услышат на том берегу, всему конец! Но молчаливый человек с веслом упорно и хладнокровно продолжал подвигать свою утлую посудину с Эйби на борту вперед. Юноша не видел его лица, но он, этот незнакомец, затерянный в мутной мгле летней ночи, был сейчас для него самым родным, самым дорогим существом на всей земле, потому что имя ему было Спасение. Было мокро и прохладно. Дождь прекратился, и звуки природы слышались отчетливее – трели ночных птиц и стрекот цикад заполнили пространство. Бортик лодки больно вжимался в худую спину мальчика, но тот оставался недвижим. Боль не казалась Эйби сколько-нибудь большой ценой за то, что предлагала взамен. Свободу! Что такое свобода? Только сейчас Эйби по-настоящему задумался об этом. Такая желанная она пугала своей неизвестностью, но все же при мысли о том, что она ходит совсем близко, внутри все сладко сжималось от невыразимого восторга смешанного с тревожным ожиданием развязки. Там, за старым мостом, который он часто видел издалека, когда его посылали принести дерево для хозяйского камина, там заканчивались границы штата Джорджия, заканчивались границы рабства.

Первое воспоминание в жизни Эйби – маленький черный мальчик с опахалом из павлиньих перьев. У него копна густых взъерошенных выющихся волос, огромные, распахнутые навстречу миру глаза, одет он в простую хлопковую рубашку с вышитыми хозяйкой дивными цветами на воротнике. Миссис Мэри Ллойд занята своим любимым делом – плетением кружева. Она увлеченно склонилась над рукоделием. Складки ее пышного платья красиво легли на коленях. Эйби любит ее и ее, и солнечным зайчиком, прыгающим от маленького зеркальца на столике возле шкапулки. Ему тоже хотелось бы научиться делать такие красивые вещи. За окном мать, громко негодуя, смешно гоняется за курицей для хозяйского ужина. Жарко. И он старается изо всех сил, чтобы миссис Ллойд было удобно. Когда она закончит работу, то обязательно погладит его по голове. Эти далекие воспоминания детства так и останутся самыми счастливыми для Эйби. Однажды все закончилось. Мистер Чарльз Ллойд прискакал из города мрачнее тучи. Вскоре уже вся домашняя прислуга знала, что он окончательно проигрался в карты и плантация уйдет с молотка, а с нею и все рабы. Это не было чем-то уж очень удивительным. Многие плантаторы, легко нажившие себе состояние на хлопке, не считали нужным дорожить им, и, подчиняясь призрачной магии азарта, порой теряли все. Так случилось и на этот раз. Теперь Ллойд приходилось думать не только о том, на что жить, но и как оплатить образование сына Джорджа, который учился в пансионате в городе. Эйби его никогда не видел. Он смутно помнил аукционный дом, строгие безразличные лица покупателей в котелках, помост, тревожную суету и стенания негритянских женщин. Их зачастую продавали отдельно от детей, многие из которых были даже младше Эйби. Эта судьба постигла и его, маленького любимца миссис Ллойд. Прощаясь, она поцеловала мальчика в покрывшийся

испариной лоб и подарила свои четки. Эйби не плакал ни тогда, ни сейчас. Он словно окаменел и только бессознательно сжимал в пальчиках деревянные бусины, пока распорядитель расхваливал четырехлетнего малыша перед потенциальными покупателями. В беспорядочном гуле человеческой речи он услышал свое имя и удар молоточка, поставивший жирную точку в его прошлой жизни. Продано! Больше он никогда не видел ни свою мать, ни миссис Ллойд, он вообще больше ничего не видел кроме тяжелой работы в поле, слепящего солнца и лопающихся коробочек с белым облачком внутри. Отныне все дни его начинались и заканчивались по звуку рожка. Эйби подружился с Сэмом, подростком лет двенадцати. От него он усвоил, что показываться на глаза хозяину не стоит. Такая встреча редко заканчивалась чем-то хорошим. Для раба, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.